

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

DISKURS ÜBER
DIE UNGLEICHHEIT

Ein Anti-Rousseau

NORBERT BOLZ

РАЗМЫШЛЕНИЕ О НЕРАВЕНСТВЕ

Анти-Руссо

НОРБЕРТ БОЛЬЦ

Перевод с немецкого
ИЛЬИ ЖЕНИНА

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2014

УДК 32.01

ББК 66.0

Б79

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
ЯКОВ ОХОНЫКО

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Б79 **Больц, Н.**

Размышление о неравенстве. Анти-Руссо [Текст] / пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 272 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1005-6 (в пер.).

В своей новой книге известный немецкий теоретик медиа и коммуникации Норберт Больц выступает с критикой социального государства и связанных с ним принципов равенства и социальной справедливости. Обращаясь к провокационным темам архаического наследия, генетической детерминации, врожденных аномалий и роли пола, он утверждает, что умственные способности, красота, сила, умение, талант, усердие распределены в обществе неравно и не могут быть перераспределены. Согласно Больцу, стремление к равенству в этих областях социальной жизни неизбежно способствует конфликтам, тогда как признание естественного неравенства делает возможным сотрудничество.

Книга адресована широкому кругу читателей — политологам, философам, социологам.

УДК 32.01

ББК 66.0

ISBN 978-5-7598-1005-6 (рус.)

ISBN 978-3-7705-4797-5 (нем.)

© 2009 by Wilhelm Fink Verlag,
Paderborn/Germany

© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей школы
экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕЗИС	6
II. ТРЕВОЖНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ТОКВИЛЯ	25
III. СКАНДАЛ ВОКРУГ ЕСТЕСТВЕННОГО НЕРАВЕНСТВА	48
IV. НЕСТИЛИЗОВАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛОВ	65
V. ЭГАЛИТАРИЗМ МЕДИА	94
VI. САКРАЛИЗАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ	116
VII. ХОРОШАЯ И ПЛОХАЯ ЗАВИСТЬ	152
VIII. ИЕРАРХИЯ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ..	185
IX. АБСОЛЮТНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ БЛАГ	212
X. ОТ КАПИТАЛИЗМА ОТБИРАЮЩЕГО К КАПИТАЛИЗМУ ОПЕКАЮЩЕМУ	225
XI. ВОЗМОЖНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ...	252

I. Тезис

Секрет либерального успеха капитализма сегодня заключается в том, что счастье связано не с перераспределением, а с повышением объемов производства. Продуктивность и творчество суть результат конкуренции, использующей естественные неравенства и создающей неравенства материальные. В условиях свободной рыночной экономики талант, жизненная энергия и счастье производят неизбежное неравенство. В частности, отличительной либеральной уловкой здесь служит подмена экономического вопроса вопросом о справедливости.

Экономический успех предлагает идентичность, создающую определенную дистанцию между успешными людьми и остальным обществом. Поэтому экономически преуспевающий человек измеряет справедливость общества степенью защищенности собственности. Таким образом, собственник является естественным врагом любого равенства. Уважительное отношение к личности, если взглянуть на это радикально с либерально-рыночной точки зрения, выражается в разнице между большим или меньшим количеством денег, т.е. между бедностью и богатством. Каждый человек обладает различными талантами. Но некоторые таланты широко распространены, а другие встречаются редко. Необходимо смириться с тем, что вознаграждаются не старания или таланты, а результат, оказавшийся на рынке. Ни коммерческий успех, ни престиж не заслуживаются усилиями. Оценивается не то, что хорошо сделано, а то, что другие находят хорошим.

Экономика современного общества чрезвычайно сложна и абстрактна; ей не хватает чувствительности (Gefühlsstütze) и именно поэтому ее невозможно полюбить. Известный тезис Фридриха фон Хайека о

том, что свободный рынок является величайшим изобретением в истории человечества, оставляет всех равнодушными. Наблюдается острая потребность в чувствительности, необходимость в эмоциональном насыщении современного общества. Это вполне удастся СМИ, которые только и делают, что постоянно освещают темы социального неравенства. Тем самым они обслуживают руссоистскую ностальгию по обществу, управляемому с помощью архаических чувств, тому самому обществу, в котором авторитарное государство создает зримую социальную справедливость.

Понятие «социальная справедливость» обозначает не что иное, как прощание с либеральным обществом. Сегодня едва ли найдется хоть один политик, который не прикрывался бы именем социальной справедливости. Никто не может дать определение этому понятию, именно поэтому оно так хорошо работает в качестве добродетели, как шифр истинных нравственных чувств. В этом вопросе наше насквозь просвещенное общество позволяет себе последнюю великую мистификацию, воззвание к непередаваемому чувству. Социальная справедливость подменяет собой сакральное. Почти каждый может распознать несправедливость, если он ее увидит или непосредственно столкнется с ней, но почти никто не может сказать, что такое справедливость. Теория справедливости — это отрицательная теология права. Это значит, что у юриспруденции тоже есть свой тайный бог. Каждое общество сакрализует собственные принципы справедливости и именно поэтому запрещает их анализ.

С момента банковского кризиса 2008 г. весь мир ратует за сильное государство и регулирование финансовых рынков. Социализм опять стал модной темой для светских бесед. Только теперь речь идет не о классовом обществе, а о новом неравенстве, отсылая при этом к порнографии чрезмерного богатства, детского труда и бедственного положения безработных. В газе-

тах можно прочесть о том, что средний доход богатейших стран в 50 раз выше беднейших. Топ-менеджеры зарабатывают в 400 раз больше средних служащих.

Именно поэтому призыв «больше равенства через перераспределение» представляет собой очевидное политическое требование, ежедневно находящее широкий резонанс в СМИ. Они низводят зрителей, слушателей, читателей только к переживаниям: мы должны наблюдать, как другие решают, наслаждаются и страдают. И в тот момент, когда другие принимают какое-то решение, это начинает касаться и нас. Когда другие наслаждаются, мы чувствуем себя обделенными. Когда другие страдают, это становится невыносимым для нас.

СМИ не только ежедневно показывают бедным богатство Запада, но и состоятельным гражданам — богатство сверхбогатых. Довольно быстро становится понятно, что наша терпимость к богатству других не столь высока. При восприятии неравенства исчезает фильтр социального положения и кастовости: каждый является человеком, таким же, как я и ты. Это и делает всякое неравенство темой для очередного скандала. Социальное сравнение культивирует зависть и приводит к взрыву ожиданий.

Высокий уровень жизни на Западе сделал человека состоятельнее, здоровее, свободнее, но не счастливее. Из-за того что человек сравнивает себя с кем-то, неравенство означает для него несчастье. Больше уже нельзя наслаждаться красотой собственного дома, потому что соседский дом красивее. Как правило, это люди, которые уже забыли все ужасы и лишения войны, это люди, которые с благодарностью замечают, что они многого достигли. И даже не столько дом, машина или жена соседа искушают нас сравнением, сколько СМИ, которые постоянно сопоставляют нашу жизнь с роскошной жизнью богатых и сильных мира сего. Они показывают нам недостижимый образ жизни.

Тем важнее увидеть в СМИ, что справедливость торжествует, это вызывает своего рода социальное на-

слаждение. Телевидение удовлетворяет социальный спрос на нравственность не только развлекательными программами. В мнимой реальности криминальных сериалов преступника всегда настигнет справедливое наказание. В настоящей реальности СМИ публично пригвоздят коррумпированного политика или предпринимателя к медийному позорному столбу. СМИ инсценируют скандалы, выдавая их за демократические показательные процессы, на которые так падки зрители. И тот пафосный тон, который можно услышать в большинстве подобных случаев, не имеет отношения к критике, а связан с модным сегодня потоком безудержной ярости. Это позволяет сэкономить на усилиях по убеждению в несправедливости. Возмущение рассматривается как доказательство подлинности. Тот, кто раньше критиковал, сегодня задыхается от ярости. Это работает только потому, что поощряется медийной демократией. Ярость так же демократична, как и страх, каждый может их выразить.

Большинство людей не могут сказать, что такое справедливость, но они очень точно чувствуют, что такое несправедливость. Однако нам недостаточно борьбы с очевидной несправедливостью. С уверенностью можно сказать, что одна из причин такого положения — непрерывный речевой поток о справедливости в СМИ. Социальная справедливость при помощи «большого равенства» — сегодня ценность, с которой *нельзя не согласиться*, это общепринятое понятие номер один. И оно больше не обсуждается. Как же такое могло произойти?

Существует обоснованное стремление к равенству, которое вдохновляет людей бороться за признание и внимание со стороны себе подобных: стремление к равенству, проистекающее из силы. Но в то же время есть стремление к равенству, проистекающее из слабости, где слабые пытаются принизить сильных до своего уровня. И в этой мании равенства кроется величайшая опасность современной демократии, а именно

готовность скорее согласиться на равенство в рабстве, чем на неравенство в свободе.

Оба понятия — свобода и равенство — чего-то стоят. Цена свободы ощутима сразу же; цена равенства делается заметной постепенно. Порой случается и наоборот: блага свободы раскрываются постепенно, а блага равенства можно ощутить сразу же. Поэтому не надо удивляться, что стремление к равенству велико, а любовь к свободе умеренна, и в зависимости от обстоятельств мы жертвуем свободой во имя равенства. Исторически сложилось, что свобода и равенство сражаются вместе, и только после победы их дороги расходятся. Это означает, что до тех пор, пока равенство использует свободу в политических целях, равенство и свобода связаны друг с другом. Только в борьбе с авторитарной властью свобода и равенство могут быть союзниками. Затем культ победившего равенства потребует принести в жертву свободу.

Печальная ирония мировой истории заключается в том, что идеал равенства увековечивает ненависть, порожденную реальностью неравенства. Существовать в эпоху массовой демократии означает все время сравнивать себя с другими. И чем более одинаковы условия жизни, тем настойчивее фиксируется завистливый взгляд на всем, что выбивается, превосходит, является лучшим. Ненависть к неравенству — демократическая страсть *par excellence*. И чем меньше неравенства, тем больше к нему ненависти. Принцип равенства, таким образом, парадоксален: чем больше равенства обеспечивается практически, тем невыносимее становится любое неравенство. Чем больше равенства, тем немолимее стремление к еще большему равенству. Статистически доказанное неравенство рассматривается как несправедливость, а затем используется в качестве ключевого аргумента в идеологическом процессе против гражданских свобод.

Равенство людей — это абстракция. Стоит нам только рассмотреть, как глубоко люди вовлечены в

различного рода истории и причинно-следственные связи, мы тут же столкнемся с неравенством. Это похоже на одинаковые пешки в шахматах, которые в ходе игры получают совершенно разный вес и значимость. Относиться к людям уважительно вовсе не означает относиться к ним одинаково. Желание большего равенства не приводит к опыту признания.

Отношение к неравному как к равному сегодня рассматривается как безусловная ценность: цветные и белые, дети и взрослые, женщины и мужчины, бедные и богатые, маленькие и большие, глупые и умные. Дух политкорректности предлагает чрезвычайно простую формулу: истина относительна. При этом его главным врагом является не ложь, а нетерпимость. Ничто и никого не следует презирать. Хотя для здравого смысла очевидно, что невозможно обнаружить нечто хорошее и восхититься им без того, чтобы не обнаружить рядом нечто дурное и ужаснуться ему.

Есть вещи, которые лучше, чем другие. Есть культуры прогрессивнее и гуманнее. И есть люди, которые превосходят других, — аристократия, элита, богатые и знаменитые. Это желание быть лучше и превосходство над другими традиционно обозначаются как аристократизм, величие, стиль и воля к отличию. Для массовой демократии — это скандал, на который она реагирует обостренным ресентиментом, направленным сначала против мастерства и авторитета, затем против канона и элиты и, наконец, против успеха и достижений. Первыми жертвами этой риторики равенства становятся красота, истина, добродетель и величие.

Культура может быть представлена только как система различий, а гуманность — только как дифференциация. Об этом свидетельствует наша собственная история: Европа была и остается местом существования различий. Каждый, у кого есть минимальный жизненный опыт, знает: нельзя быть счастливым, не изведав различий. Мы становимся взрослыми, когда

научаемся жить с различиями. Мы больше не путаем несправедливость с неравенством. Несправедливость не сводится к неравенству, она скорее является тем, что препятствует продвижению мотивированной личности. И чтобы убедиться в этом, нужна не общественная теория, а всего лишь здравый смысл.

Всякая революционная борьба, совершаемая во имя свободы, всегда стремилась добиться всеобщего равенства перед законом. Люди должны быть равны перед законом, несмотря на то что все они разные. То, что все люди рождаются поначалу одинаковыми, еще ничего не доказывает. Экстраполяция правового равенства на нравственные и социальные отношения людей составляет дух демократии. К этому же относится готовность признать и принять материальное неравноправие.

Развитие цивилизации заключается в том, что каждый человек может с выгодой для себя пустить в дело то, что выпадает на его долю. Каждый обязан воспользоваться возможностями, которые подкидывает ему жизнь, будь то происхождение или окружение. До тех пор пока мы живем в обществе индивидуумов, это означает, что мы не живем в обществе равных. Эти индивидуумы равны перед государством и законом. Но не надо выводить равенство из принципа соблюдения равенства и требований его необходимости. Равенство перед законом не исключает неравенства, оно не допускает произвола.

Исходя из того что все люди разные, материальное неравенство их жизненного положения следует из соблюдения ими принципа равенства. Успех во многом — это дело случая. Наличие родителей у каждого человека уже свидетельствует о неизбежном неравенстве возможностей. Тот, у кого было счастливое детство и любящие родители, обладает жизнерадостностью и наслаждается культурным богатством, и это не может быть компенсировано никакой политикой перераспределения.

Бедность и неудачи, как правило, не имеют никакого отношения к несправедливости, скорее, это несчастье. Материальное неравенство несправедливо только тогда, когда оно является результатом осознанного распределения. Итак, не случайности рынка, а политика перераспределения порождает несправедливость. Любая попытка государства уменьшить неравенство создает бесчисленное количество новых неравенств. Всегда найдутся люди, которым выгодно равенство возможностей, паразиты, пользующиеся уравниловкой. В данном смысле это совсем не Геракл, который выжиг бы неравенство, как головы гидры. Таким образом, эгалитаризм сам создает себе постоянную фрустрацию.

Ни природа, ни культура не свидетельствуют в защиту справедливости. В природе это так, потому что не все женщины одинаково красивы, не все мужчины одинаково компетентны. Но нет ее также и в культуре, которая расцвела только при условии несправедливого распределения накопленного богатства. Звучит довольно удручающе, ко всему прочему современное общество предпочитает многих вопросов просто не касаться. Гены, интеллект и расы в наше время такое же табу, каким был секс в викторианской Англии. Иными словами, архаическое наследие, генетическая детерминация, врожденные аномалии и роль пола — все это скандальные темы эгалитарного общества. Дух, красота, сила, мастерство, талант, усердие — все это распределено неравно и не поддается перераспределению.

Все люди разные. Если они вынуждены быть равными, то им остается только одна возможность отличиться от других, а именно — подавить других. Эта агрессивность может быть нейтрализована только с помощью иерархии. Сегодня она сокращена до социального раздражения и сохраняется в таком состоянии. Более того, чем современнее, а значит, удобнее и свободнее от физической работы становится жизнь, тем сложнее агрессивности найти выход. В условиях

массовой демократии неизрасходованная агрессивность направляется против любых форм иерархии.

Если же людям будет позволено остаться разными, чего на самом деле и требует их гетерогенная индивидуальность, создадутся условия для их творческой интерактивности. Мы можем резюмировать это следующим образом: равенство способствует конфликтам, неравенство делает возможным сотрудничество. Гражданское равенство поэтому и означает, что каждый человек обладает равными шансами, но не в равных пропорциях. Неравенство шансов, имеющееся в аристократии, дает возможность стать неравным. В демократическом обществе имеются равные шансы для того, чтобы стать неравными. У каждого должен быть одинаковый шанс стать неравным.

В современном мире богатство не является символом особых заслуг и достижений. Больше уже нельзя судить о человеке по его образу жизни. Потребление стало образом жизни, а хорошая жизнь превратилась в притязание на лучшую. Поэтому достижение жизненных стандартов принимает характер мании, которую невозможно удовлетворить, и в то же время каждое ослабление кажется невыносимым. Несмотря на то что объективные показатели жизненного уровня улучшились, недовольство людей продолжает расти, и причина в том, что показатели, с которыми они сравнивают, растут быстрее, чем уровень жизни.

Почти все для почти всех как бы становится лучше. Но это не так, параллельно с этим усиливается поляризация общества. Бедным становится лучше, но по отношению к богатым они беднеют. Сравнение делает людей несчастными. И если бы это не звучало так цинично, то можно было бы сказать: сравнение делает людей бедными. Но по-другому мы не можем жить. Каждый человек вынужден сравнивать себя с другими. В этом смысле демократия означает, что каждый человек может сравнивать себя с другим даже тогда, когда он не может сравниться с кем-то еще.

Осознание различий порождает зависть, поэтому эгалитаризм должен проводить прозрачную политику, т.е. делать видимым осуществление равноправия. Политика проводит в жизнь эгалитарные меры, потому что не социальные различия, а *осознание* этих различий угрожает сплоченности общества. При этом речь идет не о том, чтобы действительно добиться справедливости, а о том, чтобы люди *увидели*, что справедливость есть. Ее можно продемонстрировать подаяниями нуждающимся или, что эффективнее, изъять что-нибудь у богатых.

Мне лучше, чем раньше, но не так хорошо, как другим, поэтому у меня все плохо. Даже замедление экономического роста вызывает недовольство. В свою очередь рост экономики ни в коем случае не является причиной всеобщей радости, так как если всем в одинаковой степени хорошо, то от этого никому не становится лучше. Различия уменьшаются, а ожидания равноправия растут. Это происходит оттого, что люди сравнивают себя с другими. Но с кем себя сравнивать? С относительными другими. И в этом сравнении незначительные отличия могут ощущаться как вопиющая несправедливость. Чем незначительнее отличия, тем больше ожидания равенства и тем больше ресентимент. Исполненное завистью сравнение поднимается вверх по спирали положительного подкрепления. И чем больше ожидания, тем сильнее зависть.

Жалобные вопли возносят современную культуру на высокий уровень; эти причитания доносятся из самого сердца благосостояния. Здесь становится очевидным весь трагизм нашей культуры, так как важнейшее ее достижение — фундаментальный демократический принцип: равенство перед законом. Оно содержит потенциальную угрозу для фанатизма: завистливое уравнивание с теми, кто благодаря образованию, обучению и достижениям оказался лучше и успешнее.

Ресентимент представляет собой не что иное, как ненависть к успеху. Именно то, что завистники ненавидят в успехе, — а это не только богатство других,

но и требования дисциплины и тяжелой работы, — и делает понятие успеха вообще возможным. Этот ресентимент сделался творческим началом в богемной культуре, приняв вид воли к неудачам. Прославление неуспешности в субкультурной среде почти два столетия носило выраженный интеллектуальный антибуржуазный характер; его риторика простирается от «Филистера» Гёльдерлина до понятия истеблишмента поколения 1968 г.

Коль скоро зависть не может найти свое выражение в социальных формах, она с яростью начинает атаковать символы социальных различий. Растущая экономическая ненужность большого числа людей делает этот удар более вероятным. Лишние люди вычеркиваются, интеллектуальные фанатики подхватывают тех, кого исключило мировое сообщество. Тот, кто не находит признания в обществе, ищет его в борьбе *против* него. Зависть порождает фанатизм.

В зависти кроется стремление равенства уничтожить свободу. Сегодня демократия предписывает идею равенства, она гарантирует одинаковые права и формальное равенство социальных возможностей. Но именно это способствует фактическому проявлению неравенства во власти, богатстве и престиже. Демократия предполагает нормативное равенство, из чего следует, что все постоянно заняты измерением отклонений. Так возникает ресентимент. Различия сокращаются, ожидания равенства растут.

Парадокс, заключающийся в том, что растущее экономическое благосостояние способствует росту культурной фрустрации, выводит нас к проблеме социальной ограниченности. Мы можем многого достигнуть, но удовлетворяет это нас все меньше. Почему? Речь здесь идет не об естественных границах, а о социальных границах экономического роста. Социальная ограниченность означает, что образуется пропасть между возможностями каждого отдельного человека и тем, что может общество.

Здесь необходимо еще раз вспомнить основную идею консерваторов и либералов, которая заключается в том, что перераспределение богатства осуществляется за счет участия в экономическом росте. Устойчивый экономический рост делает положение каждого отдельного субъекта лучше, чем это могло бы быть при политике перераспределения в период стагнации. Экономический рост поощряется с помощью наблюдения за возможностями потребления, которые первоначально могут позволить себе только успешные люди. Возникшие таким образом новые желания будут удовлетворены с течением времени. То, что относится к понятию роскоши в этом поколении, станет стандартом для следующего, а через одно поколение — само собой разумеющимся и обиходным. Успешные люди образуют авангард потребления, и это как раз то самое неравенство, которое заставляет других сделаться на них похожими. Так постепенно сверху вниз происходит улучшение жизни.

Но эта архилиберальная стратегия проиграла в конкурентной борьбе. Ведь, если одним становится лучше, то другим должно становиться хуже. Программное обеспечение можно распространять миллионными партиями без дополнительных расходов. Мой дом, который очень хочет купить мой сосед, представлен в единственном экземпляре. Развлекательные телевизионные программы не ограничены и предоставляют возможность приятно провести время. Информация не ограничена, но мобильна. В будущем спрос на здравоохранение и образование будет намного превышать предложение. Причина в том, что речь идет об индивидуальных услугах, чья производительность едва ли может быть увеличена, т.е. и здесь запрограммировано растущее неравенство. Настолько же драматична ситуация в системе образования. В борьбе за лучшие места образование играет ключевую роль.

Битва за лучшие места — это игра с нулевой суммой. Сегодня каждый может стать исполнительным

директором, считается, что формально социальное происхождение больше не играет никакой роли, но в то же время не каждый достигает таких вершин, так как число руководящих должностей ограничено. Это отличный пример того, как равенство создает неравенство. Не дано предугадать, кто и как заявит о себе в будущем. Происхождение не играет никакой роли, будущее неясно — это и есть современное равенство, которое постоянно производит специфическое системное неравноправие.

Тот, кто абсолютно владеет ограниченным товаром, наслаждается не только его наличием, но и его ограниченностью. Речь идет о символическом статусе, которым я себя отмечаю, чтобы оказаться впереди всех в беге за лучшие места. Тот, кто обладает чем-то редким, испытывает удовольствие оттого, что другие ему завидуют. Сосед лишен того, чем обладаю я; собственно, это обстоятельство и приносит удовлетворение. Тем самым речь идет о товарах, чье качество падает за счет того, что все больше людей хотят их иметь. Хорошим примером в этом смысле является туризм. Венеция была бы волшебной сказкой, если бы там никого не было. Турист ищет нечто несравненное, а обнаружив, уничтожает его.

Большая часть красивой жизни из глянца и бульварных изданий остается для большинства из нас недоступной. А то, чего все-таки удастся достичь, тут же теряет свою привлекательность. Таким образом, социальная ограниченность означает: то, что хотят, и то, что могут получить единицы, никогда не получит все общество.

Не бедность, а социальная ограниченность и приобретенная беспомощность — центральные проблемы западного мира. Поэтому граждане ждут решений своих проблем, полагаясь не на экономику, а на государство. В демократическом обществе все граждане независимы и слабы. Все чаще государство вмешивается в дела граждан. Оно заботится о здоровье, тру-

де, воспитании и образовании своих граждан. Но при этом оно также заботится о нашем духовном здоровье и внушает нам корректные чувства и идеи. В современных массовых демократиях правители больше не тираны, а скорее опекуны. В свою очередь граждане — одинаковые и беспомощные — крутятся как белки в колесе, подстегиваемые небольшими радостями и удовольствиями.

Политика государства всеобщего благосостояния прививает несовершеннолетие, т.е. такое состояние духа, которому противостоит любое просвещение. Так же как необходимо известное мужество, чтобы воспользоваться собственным разумом, необходима и гордость, чтобы самостоятельно начать жить собственной жизнью. Гордыня остается таким же страшным грехом для государства всеобщего благосостояния, каким она была в Средние века. Государство-отец не желает, чтобы его дети выросли. Патернализм опекающего государства не только навязывается людям, они жаждут его, так как он освобождает их от бремени свободы. Управляемый мир означает для многих исполнение желаний.

Тем, о ком всесторонне заботятся, не нужна больше свобода воли, тотальную заботу они принимают за благодеяние. Демократический деспотизм освобождает их от тягот размышлений, как, впрочем, и от хлопот жизни. Сеть незначительных, точных предписаний пронизывает бытие каждого человека и делает его зависимым даже в простейших ситуациях от обеспокоенного социального государства. Заботящиеся считают себя прекрасными пастырями прилежного стада. Немногие непокорные ни к чему не принуждаются, а выматываются духовно; их не мучают, а делают податливыми.

Опекающее социальное государство оперирует тремя заблуждениями: оно судит о неравенстве через дискриминацию, дискриминация выводится из социальных причин, а социальные причины приводят к

патерналистским мерам. Тем самым государство берет на себя всю ответственность за современное общество. Когда оно еще так не называлось, опекающее социальное государство вывело породу новых верно-подданных — людей, нуждающихся в опеке. Сегодня большинство обязано своей безопасностью не закону, а государственной заботе. В опекающем социальном государстве обеспечение существования (*Daseinsfürsorge*) носит превентивный характер: помогают даже тогда, когда отсутствует необходимость в помощи. В частности, заботящийся формирует потребность в социальном обеспечении, изобретая дефицит. Государство всеобщего благосостояния тем самым поддерживает не нуждающихся, а социальных работников.

Социальная справедливость, понимаемая как система перераспределения, обеспечивает политическую стабильность несовершеннолетия; она учит людей чувствовать себя беспомощными. Пытаясь помочь жертвам социальными пособиями, государство всеобщего благосостояния способствует тому, что их число только растет. Тот, кто долгое время живет на социальные пособия, подвержен опасности развить в себе менталитет члена государства всеобщего благосостояния. Привычка зависеть от государственной помощи складывается с детства. И чем дольше продлится такая зависимость, тем меньше вероятность того, что человек будет в состоянии позаботиться о себе сам.

Таким образом, политика перераспределения не борется с бедностью, а понижает затраты на бедность. Каждая выплата уменьшает заинтересованность преодолеть бедность своим силами. Иными словами, большинство политических программ помощи поощряют образ жизни, который ведет к бедности. Остальное достается СМИ: нас учат чувствовать себя беспомощными, наблюдая за другими, брошенными на произвол судьбы. И тогда, стремясь к защите, мы ищем объятий отца, которым в сиротском обществе может быть только государство.

Тотальная забота о существовании лишает предприимчивых людей энергии и тем самым денег, а тех, о ком заботятся, — достоинства. Благие деяния государства, делающие человека зависимым, посягают на его достоинство. Типичные парадоксы политики государства всеобщего благосостояния — это система перераспределения и налог на богатство. Потребители социальной помощи теряют свое достоинство, так как то, что они получают, они не в состоянии себе заработать. В то же время те, кто много работают, следуя логике экономического дарвинизма, настолько развивают свою производительность, что на их «могучие плечи» и ложится груз «социальной справедливости».

Социальные достижения, к которым мы привыкли, принимают форму претензий, и с помощью этого превращают все несчастные случаи в социальные. Политика, живущая за счет этого, может быть реализована только тогда, когда общество постоянно воспроизводит неравенство или когда растет восприимчивость к различиям. Это растущее отклонение восприимчивости имеет свою цену. Место свободы и ответственности занимает равенство и забота.

Современное общество ожидает как само собой разумеющееся одинаковое отношение ко всему, что должно быть гарантировано с помощью новых прав, прежде всего это касается вопросов гендерных отношений, здравоохранения и образования. Так как это ожидание так же мало реалистично, как и очевидно, то оно формирует у выгодополучателей постоянное недовольство. И для того чтобы отвести от себя это недовольство, правительство регулярно обещает больше равенства. Граждане уже с трудом могут отличить благосклонность от притязания.

В соответствии с конституцией мы живем в правовом и социальном государстве, но правовое и социальное государство не находятся в predetermined им гармонии. Правовое государство гарантирует, социальное государство исполняет. Сегодня нет никаких

мер защиты, предлагаемых правовым государством, против зависимости от обслуживающего и удовлетворяющего нужды государства. Поэтому нам постоянно угрожает опасность быть покоренными заботой — сначала забота, потом зависимость, а потом угнетение.

Забота в современном обществе не просто противоположность самостоятельности. Девиз современной жизни: чем свободней, тем зависимей. Для того чтобы быть в состоянии добиться большего самому, нужно стать зависимым от чужих достижений. От власти отказываются, чтобы лучше управлять. Зависимость от государственных пособий и пространство существования растут одновременно. Таким образом, решение проблемы не ограничивается требованием «меньше государства». Скорее, речь идет о правильном понимании понятия «социальное государство».

Мы должны осознать, что слово «социальный» само по себе не имеет юридического смысла, являясь исключительно целевым политическим понятием, которое, прежде всего, связано с распределением благ. Ядро правового государства — конституция, которая следит за обеспечением гарантий в реализации ее норм, ядро социального государства — управление, которое отвечает за их исполнение. Это разделение невозможно просто так ликвидировать, его можно только институционализировать. Необходимо точно определить разрыв между правовым и социальным государством, а не пытаться скрыть его при помощи табуированного понятия «социальная справедливость». Над справедливостью необходимо работать, как над мифом. И здесь гражданин является героем.

Социологически говоря, не существует справедливого общества. Но если рассматривать этот вопрос политически, кажется неприемлемым, что справедливость должна быть сведена к формальной ценности современной правовой системы. Для того чтобы определить границы возможной справедливости, необходима гражданская смелость. Она состоит в том, что

необходимо отказаться от концепции счастья, понимаемой как исполнение желаний. Смелость гражданина выражается в том, что он ищет свою идентичность в ритуальном поддержании социальной ситуации, находит свое достоинство с помощью институций в потреблении и признает в функционирующей социальной системе современный эквивалент справедливости. Модернизация означает здесь процесс, принуждающий человека попроситься со старым, совершенным идеалом справедливости и ограничиться сначала правовыми гарантиями, а затем лишь работающими социальными системами. Мы насаждаем не справедливое, а лишь функционирующее общество.

Мы должны быть довольны тем, что и так достаточно хорошо, вместо того, чтобы искать оптимальное решение при помощи абсурдных трат. Довольствоваться малым вместо того, чтобы иметь все и сразу. Это не имеет ничего общего со скромностью, а скорее связано с осознанием понижающейся полезности тех усилий, которые направлены на уравнивание. Рассуждая здраво, в современных условиях равенство может означать включение, участие в социальных системах. И тот, кто хочет всех интегрировать, должен отказаться от идеи равенства. Эгалитаризм — это не что иное, как руководство к несчастью.

Социальные различия — это та цена, которую мы платим в сегодняшнем обществе за свободу. Они терпимы до тех пор, пока для каждого сохраняется возможность социального роста; до тех пор, пока конфликты между социальными классами решаются не с помощью вражды, а с помощью партнерства, и до тех пор, пока государство гарантирует общие условия существования. Эгалитаризм же, напротив, является руководством к несчастью.

Сложности возможной справедливости заключаются в том, что «одновременно много» гораздо легче поддается подсчету, чем «достаточно». А достаточно сегодня означает достаточно хорошую жизнь. Мы

должны учиться различать разумные (каждый должен иметь достаточно) и утопические требования (каждый должен иметь одинаково много). То, что у одних дела идут хуже, чем у других, все еще может означать, что у кого-то все более или менее хорошо. И наоборот, тот, кто фиксируется на равенстве, измеряет свою жизненную удовлетворенность не тем, что доступно ему, а тем, что доступно другим. Забота о равенстве отвергается им ради заботы о том, что по-настоящему важно только для него.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

НОРБЕРТ БОЛЬЦ

РАЗМЫШЛЕНИЕ
О НЕРАВЕНСТВЕ
АНТИ-РУССО

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Корректор
ТАТЬЯНА ШАПИРО
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 12,0
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1624. Заказ №

Отпечатано в ГУП ЧР
«ИПК «Чувашия»
Мининформполитики Чувашии,
428019, Чебоксары,
пр. И. Яковлева, 13

